ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ

ИКОЛАЮ II

—

чество,

окру[illegible] людьми, которымъ съ [illegible] [illegible]дѣніи относительно [illegible] въ Вашей Имперіи и [illegible] отнош[illegible] [illegible]му положенію Вашихъ [illegible]. Рѣзко отст[illegible]яя ходатайства земствъ [illegible] нуждахъ и дозволяя усиленное ограниченіе печати, Вы сами добровольно усугубляете это свое опасное невѣдѣніе. Вы не хотите видѣть, Вы не хотите слышать! Но пусть же хоть такъ или иначе, хоть изрѣдка, хоть въ слабой степени доходитъ до Васъ голосъ жизни, пусть хоть случайные намеки напомнятъ Вамъ, что Ваше, неизбѣжное, можетъ быть, въ Вашемъ положеніи, невѣдѣніе и Ваше, обычное въ этомъ положеніи, равнодушіе являются для народа причиной лишнихъ страданій, а для Васъ самихъ — причиной роковыхъ, непоправимыхъ ошибокъ.

Ваше Величество! приближается время Вашего коронованія. Васъ окружатъ невиданнымъ блескомъ и богатствомъ, Васъ упоятъ до самозабвенія поклоненіемъ и лестью. Тысячи людей будутъ всячески

ухищряться, чтобы выказать Вамъ какъ можно больше подобострастія. — Сотни тысячъ будутъ сопровождать Васъ несмѣтными толпами и кричать Вамъ „ура“. И чиновники Ваши, указывая Вамъ на великолѣпіе коронаціонныхъ празднествъ, скажутъ Вамъ, если не прямо, то косвенно: „смотрите, какъ роскошна Ваша держава, какъ все торжествуетъ вмѣстѣ съ Вами, какъ все передъ Вами преклоняется и какъ обожаетъ Васъ народъ. Россія, стало быть, благоденствуетъ, Россія покорна и довольна, надо только править ею, какъ правили до сихъ поръ — надо намъ, чиновникамъ, по прежнему безпрепятственно начальствовать надъ русскимъ народомъ, — и все будетъ хорошо!

Стараясь всячески увѣрить Васъ, что Ваша неограниченная власть имѣетъ незыблемо твердыя основанія и должна неуклонно проявляться во всѣхъ сферахъ народной жизни, Ваши чиновники и приближенные далеко не увѣрены въ томъ, что основанія эти дѣйствительно тверды, и еще менѣе интересуются вопросомъ — благопріятно ли отзываются на жизни людей проявленія Вашей неограниченной власти. Имъ нужно только, чтобы всѣми средствами, и какъ можно дольше сохранялся принципъ этой якобы неограниченной царской власти, пототу что имъ хорошо извѣстно, до какой степени примѣненіе этого принципа выгодно *для нихъ самихъ*. Они знаютъ, что пока Вы будете оберегать свое самодержавіе; пока Вы будете воображать, что можете одни, самостоятельно ду-

мать, рѣшать и дѣйствовать за цѣлую, многомилліонную націю; пока Вы будете видѣть посягательства на священныя Ваши права во всякомъ порицаніи существующаго и всякомъ стремленіи къ улучшеніямъ со стороны общественныхъ элементовъ, — до тѣхъ поръ чиновникамъ можно будетъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ обманывать Васъ; подъ прикрытіемъ Вашего имени, преслѣдовать однѣ личныя свои выгоды; не обращать вниманія на нужды народа; не бояться общественнаго мнѣнія и не подлежать отвѣтственности предъ страной, хотя бы они не исполняли самыхъ элементарныхъ требованій закона, всячески расхищая общественное достояніе, и, въ теченіе долгихъ лѣтъ, совершали дѣла, за которыя обыкновенные обыватели немедленно попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Этимъ людямъ нужно не старинное патріархальное самодержавіе, которое при прежнихъ, менѣе сложныхъ условіяхъ государственной жизни, допускало извѣстное участіе народа въ дѣлахъ общественныхъ, и которое до сихъ поръ является идеаломъ для немногихъ, отставшихъ отъ вѣка, мечтателей. Имъ нужно самодержавіе новое, имъ нужно не Ваше, а ихъ собственное чиновничье полновластье и они пускаютъ всѣ способы и средства, чтобы отстоять до послѣдней возможности это безцѣнное для нихъ сокровище. Пользуясь Вашимъ невѣдѣніемъ, или лучше — Вашимъ самообольщеніемъ, они сдѣлали Васъ поборникомъ однихъ своихъ интересовъ и тщательно скрываютъ

отъ Васъ всѣ доказательства несостоятельности и зловредности излюбленнаго ими строя.

Министры и губернаторы представляютъ Вамъ свои отчеты, — но составлены они такимъ образомъ, чтобы подѣйствовать на Васъ въ извѣстномъ направленіи. Вы читаете газеты, — но и въ нихъ пропущено цензурой лишь то, что не колеблетъ престижа администраціи и не противорѣчитъ понятію о должной покорности населенія. Къ Вамъ являются депутаціи, — но въ составъ ихъ допускаются лишь лица, которыя ни одного слова правды сказать Вамъ не посмѣютъ. И Вы довольны такими порядками?! Вы готовы на все, лишь бы только поддержать современный строй, лишь бы только дѣлить Вашу власть съ одними этими, обманывающими Васъ, наемниками, а не съ народомъ, не съ живыми общественными силами той Россіи, которую Вамъ угодно называть дорогимъ своимъ отечествомъ....

Государь. когда настанутъ дни коронаціонныхъ празднествъ; когда совершится тріумфальный Вашъ въѣздъ, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, въ роскошно разубранную и залитую народомъ Москву; когда къ Вамъ явятся сотни депутацій съ иконами и блюдами, и когда въ огняхъ иллюминаціи засіяютъ Ваши гербы и вензеля, знайте, что все это громкое Ваше торжество — лишь апоѳеозъ грубаго деспотизма. Всѣ дома Вашей столицы будутъ блистательно разукрашены и иллюминованы, но лишь потому, что размѣромъ по-

жертвованій на ихъ устройство измѣряется въ глазахъ начальства благонадежность домовладѣльцевъ и квартирныхъ хозяевъ. Депутаты будутъ подносить Вамъ дорогія иконы и блюда, но лишь потому, что имъ приказано подносить ихъ и запрещено являться съ чѣмъ либо другимъ (напр. съ ходатайствами и адресами!) Толпа будетъ оглушать Васъ криками „ура“, но лишь потому, что начальство напередъ обучаетъ этому искусству воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній, и потому, что земскимъ начальникамъ московской губерніи приказано доставить въ Москву благонадежныхъ людей для изображенія ликующаго народа, и потому что въ толпѣ будетъ почти столько же переодѣтыхъ полицейскихъ и сыщиковъ, сколько простыхъ обывателей. И въ возбужденіи, въ гулѣ этой толпы Вы найдете не сознательную любовь счастливыхъ свободныхъ гражданъ къ человѣку, заслужившему ихъ любовь и благодарность, а лишь безумное изступленіе полудикой, обездоленной массы, забывшей въ минутномъ своемъ упоеніи весельемъ и блескомъ о бѣдахъ и горестяхъ, о тьмѣ и нищетѣ будничныхъ дней.

Государь, тѣ милліоны, которые истрачены будутъ въ теченіе немногихъ дней Вашего коронаціоннаго торжества, выколачиваются копейка за копейкой стараніями цѣлаго штата полицейскихъ чиновниковъ путемъ угрозъ и побоевъ, сажанья подъ арестъ и несмѣтнаго количества бранныхъ словъ — съ нищаго, безпомощнаго и озлобленнаго

народа. Этотъ народъ, съ величайшимъ трудомъ поддерживающій свои раззоренныя хозяйства, этотъ народъ, живущій въ тѣсныхъ, нездоровыхъ лачугахъ при недостаточномъ питаніи, въ условіяхъ, одинаково губительныхъ для его души и тѣла,— не имѣетъ возможности заявлять о своихъ нуждахъ или искать выхода изъ тяжелаго своего положенія, онъ не можетъ протестовать противъ раззорительнаго взысканія и безразсуднаго или безчестнаго употребленія взимаемыхъ съ него суммъ и не знаетъ даже, куда и на что идутъ его, добытыя потомъ и кровью, трудовыя деньги.

Во всемъ мірѣ существуетъ зло; вездѣ власть имѣющіе виновны бываютъ въ хищеніяхъ и неправдахъ, — но во всѣхъ, кромѣ Россіи, христіанскихъ странахъ съ этимъ зломъ можно смѣло и открыто бороться. Въ Россіи же зло оффиціально провозглашается добромъ, — и всякое недовольство существующими порядками разсматривается представителями власти, какъ государственное преступленіе.

Боясь, какъ огня, усиленія сознанія, такъ какъ оно неминуемо ведетъ къ недовольству, — боясь борьбы, которая неминуемо начнется, какъ только общество выработаетъ въ себѣ достаточно энергіи, русское правительство подавляетъ всякое выраженіе независимаго мнѣнія и всякое проявленіе общественной самодѣятельности, хотя бы то и другое и не посягало на принципъ самодержавія. Правительству вселяетъ опасенія независимый судъ

присяжныхъ, и изъ сферы его дѣйствій изъяты всѣ тѣ дѣла, безпристрастное и гласное рѣшеніе которыхъ особенно важно для русскаго общества, но можетъ, за-то, поколебать основы бюрократизма. Въ Земствѣ, которое, по идеѣ, представляетъ интересы всего народа и служитъ его нуждамъ, искусственно создается преобладаніе вымирающаго дворянства, всѣ дѣйствія его подчиняются усмотрѣнію губернаторовъ, и право обсужденія, имѣющихъ сколько нибудь значенія, общественныхъ вопросовъ ограничивается до такой степени, что на собраніяхъ не всегда дозволяется говорить даже и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія... Крестьяне отданы во власть земскихъ начальниковъ; высшія, среднія и низшія школы; дѣятельность частныхъ обществъ по народному образованію; книготорговля и книгоиздательство — все возбуждаетъ въ агентахъ власти злобныя опасенія и подозрѣнія, все подвергается безпощаднымъ урѣзкамъ и стѣсненіямъ, назойливому вмѣшательству и мелочнымъ придиркамъ. Тысячамъ лицъ, по невѣдомымъ соображеніямъ, воспрещается безапелляціонно всякая педагогическая дѣятельность; на десятки просьбъ о разрѣшеніи издавать газету или журналъ неизмѣнно слѣдуютъ отказы, а существующія періодическія изданія живутъ подъ дамокловымъ мечемъ грозящихъ имъ запрещеній и не смѣютъ даже упоминать о вещахъ всего болѣе волнующихъ умы, о главномъ несчастіи, тяготѣющемъ надъ Россіей, — ея жалкомъ безправіи и безмолвіи! Въ

Россіи гонятъ за мысль, въ Россіи преслѣдуютъ за вѣру, въ Россіи есть тюрьмы и казематы, достойные среднихъ вѣковъ, въ Россіи существуетъ то, что по безграничной своей нелѣпости и жестокости немыслимо ни въ какой другой христіанской странѣ, — существуетъ губящая сотни и тысячи лучшихъ людей, губящая самыя живыя элементы и самыя свѣжія силы, административная ссылка,— и все это русскіе люди должны безропотно переносить, о всемъ этомъ они вынуждены раболѣпно умалчивать, терзаясь своимъ безграничнымъ униженіемъ и безсиліемъ своего негодованія.

Государь, возлѣ престола Вашего и на мѣстахъ начальствующихъ лицъ тѣснятся никого не смущающія ничтожества, или угодливые льстецы, или нахальные хищники, или, наконецъ, немногіе боязливые и осторожные „порядочные люди“, которые, не дерзая спорить съ теченіемъ, заслужили свою репутацію честности тѣмъ, что не воруютъ и не клевещутъ, какъ остальные. Тѣ же, которые сказали бы вамъ правду и служили бы государству, а не личному своему покою и благополучію; тѣ, которые кромѣ отрицательныхъ добродѣтелей обладаютъ и живымъ сознаніемъ существующихъ золъ, и рѣшимостью, необходимой, чтобы бороться съ нимъ, — тѣ не у власти, не у дѣлъ, не тамъ, гдѣ нужна ихъ энергіи и преданность дѣлу, — а въ заточеніи, или въ ссылкѣ, или въ заграничномъ изгнаніи, или въ положеніи мучительнаго, вынужденнаго бездѣйствія, въ положеніи совер-

шенно уже безправныхъ, стоящихъ внѣ закона, „неблагонадежныхъ“ лицъ.

Государь. Васъ пугаетъ призракъ терроризма. Большинство русскаго общества, какъ и Вы, не сочувствуетъ этому движенію и признаетъ за Вами право самозащиты. Но правительство Ваше подавляетъ и преслѣдуетъ все живое, а не однихъ только террористовъ. Да и можно ли осуждать террористовъ, можно ли удивляться, что страшное ихъ дѣло продолжается?! Что еще остается дѣлать людямъ, передъ которыми закрыты всѣ пути честнаго протеста и которые не хотятъ и не могутъ отнестись пассивно къ страшному злу, губящему достоинство и счастье, успѣхъ и процвѣтаніе цѣлой великой націи?!

Не даромъ въ то самое время, когда Москва готовится къ блестящимъ празднествамъ, русскому правительству приходится принимать всевозможныя мѣры предосторожности противъ террористическихъ покушеній на Вашу особу и противъ не менѣе опасныхъ для него народныхъ волненій. Въ Москвѣ не только украшаются дома и улицы,— къ Москвѣ стягиваются войска, въ Москву призывается полиція чуть ли не изъ всѣхъ городовъ Россіи, въ Москвѣ на улицахъ, по которымъ послѣдуетъ Вашъ торжественный въѣздъ, заколочены и запечатаны будутъ чердаки домовъ, и въ дома не будутъ впускать никого безъ особаго билета... За рабочими на фабрикахъ учрежденъ строгій надзоръ, ихъ не велѣно распускать во

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР

время коронаціи больше нежели на два дня, и немалое ихъ число высылается заранѣе изъ Москвы. Вообще, изъ Москвы, по случайнымъ соображеніямъ и ни на чемъ не основанымъ подозрѣніямъ полиціи, высылаютъ до 4000 лицъ, — людей, уже намѣревавшихся ѣхать на Кавказъ или въ Крымъ, которымъ вмѣсто того предлагаютъ отправиться въ Вятку или Вологду; — молодыхъ дѣвушекъ, къ которымъ полиція врывается въ 6 час. утра; — лицъ пожилыхъ и привыкшихъ къ извѣстному уваженію, къ которымъ нахально приставляютъ сыщиковъ и по три раза въ день присылаютъ полицейскихъ, настаивая на немедленномъ ихъ „добровольномъ" выѣздѣ, — людей семейныхъ, имѣвшихъ въ Москвѣ скудный, можетъ быть, но все же обезпеченный заработокъ, и которымъ въ 24 часа приказываютъ выбраться съ женами и дѣтьми въ Тамбовъ или Пензу, въ Царицинъ или Задонскъ, съ перспективой заботъ и лишеній всякаго рода....

Итакъ, коронованіе Ваше требуетъ новыхъ насилій надъ достоинствомъ, спокойствіемъ и безопасностью сотенъ и тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Но Ваши совѣтчики и слуги должны бы знать, что такія дѣйствія правительства не только ничего не предотвратятъ, не только безсмысленны и безнравственны, но и прямо опасны. Такія злоупотребленія властью гонятъ людей на преступленія, они раздражаютъ самыхъ смирныхъ, самыхъ безмятежныхъ русскихъ обывателей, они

не ослабляютъ а усиливаютъ проявленія недовольства. И когда нибудь переполнится чаша народнаго долготерпѣнія.

Берегитесь, Государь! Никакими полицейскими насиліями не остановите Вы неудержимаго теченія народной жизни. И чѣмъ больше Вы будете препятствовать освобожденію Россіи отъ гнета чиновничьяго произвола, тѣмъ страшнѣе будетъ взрывъ народнаго возмущенія и тѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ опаснѣе для Васъ будетъ поворотъ отъ стараго строя къ новому.

Вашъ дѣдъ, котораго за многое благословляетъ и будетъ благословлять Россія, отдалилъ грозу своими благодѣтельными реформами въ началѣ своего царствованія, но онъ не могъ устоять до конца противъ нажима крѣпостнически-бюрократическихъ вліяній и уступилъ реакціи, а реакція вызвала ту страшную смуту, ту ожесточенную борьбу, которая стоила столькихъ жертвъ и стоила жизни ему самому. Вашъ отецъ, который обрекъ себя на образъ жизни ссыльнаго и заключеннаго, чтобы только уберечься отъ покушеній, сталъ уже совершенно на сторону реакціи и изувѣчилъ безпощадно все то, что сдѣлано было на пользу Россіи Вашимъ дѣдомъ. Грубыя, своекорыстныя поползновенія господствующихъ классовъ смѣло подняли при немъ свою голову; произволъ администраціи получилъ неограниченный просторъ, и деморализація чиновничества, а также и той части общества, которая живетъ подачками правительства,

дошла до послѣднихъ предѣловъ. При дѣдѣ Вашемъ недовольство держалось главнымъ образомъ среди интеллигентныхъ круговъ, — при отцѣ Вашемъ, который поощрялъ гоненія на сектантовъ, ввелъ земскихъ начальниковъ и открыто покровительствовалъ дворянамъ, недовольство не могло не распространиться среди массы народа, среди крестьянъ и фабричныхъ, уже извѣдавшихъ до извѣстной степени блага свободнаго состоянія и научившихся отчасти сознательному отношенію къ вещамъ.

Годы идутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ неизбѣжно сознаніе народа, и всѣ нелѣпости, всѣ страшныя несправедливости и унизительныя обиды существующаго порядка вещей чувствуются русскими людьми все болѣзненнѣе и все сильнѣе.

Какой же путь изберете Вы, Государь, въ эти знаменательные дни, когда рѣшается и судьба Россіи, и собственная Ваша судьба? Будетъ ли Россія Васъ любить или ненавидѣть? Будетъ ли исторія Васъ благословлять или проклинать? Суждено ли русскому народу свободное, мирное, правильное развитіе и процвѣтаніе, — или суждена ему кровавая междоусобная война?

Задайте себѣ этотъ вопросъ, Государь, когда Вы будете надѣвать на себя Вашъ прародительскій вѣнецъ.

Русскій

1 Мая 1896 г.